

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

1. ОТ «HISTORIA REGNI GRAECORUM BACTRIANI» ДО «ИСТОРИИ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА»

Свыше 200 лет назад русский академик Г. З. Байер выпустил в Петербурге книгу «Historia regni Graecorum Bactriani» (Petropoli, 1738). На основании изучения всех доступных тогда античных источников, с привлечением данных средневековых мусульманских авторов и индийских сочинений он попытался рассмотреть историю походов Александра Македонского в Среднюю Азию, правление его преемников и, главное, историю Греко-Бактрийского царства. Этот труд положил в России начало изучению древней истории Средней Азии (и Таджикистана).

Исследованием древней истории Средней Азии до революции занималась плеяда блестящих русских ученых. Благодаря серии трудов Н. Я. Бичурина, В. В. Григорьева, Б. А. Тураева, В. Г. Тизенгаузена, К. А. Иностранцева, В. В. Бартольда и др. был исследован ряд важных проблем древней истории Средней Азии в целом, Таджикистана в частности. Однако основной упор в трудах специалистов по Средней Азии делался все же не на древнюю, а на средневековую историю. Как и в исследовании древнего Востока¹, так и в изучении древней Средней Азии к 1917 г. русская школа, несмотря на ряд первоклассных работ, находилась еще в процессе формирования. По ряду важнейших направлений древней истории и вспомогательных дисциплин разработки вообще не велись.

Серьезный вклад был внесен и зарубежными исследователями, среди которых следует особенно отметить В. Томашека, А. Каннингэма и Й. Маркварта. Прогрессу в изучении древней истории и культуры Средней Азии способствовали открытие и расшифровка древнеперсидских клинописных памятников, исследование «Авесты» в различных планах, лингвистические штудии.

Археологическое же изучение памятников эпохи древности велось на территории Средней Азии в очень незначительных размерах и нередко на очень низком методическом уровне. Большое значение для исследования древней культуры Таджикистана сыграло открытие в конце 70-х гг. XIX в. местными жителями в Кобаджане (Южный Таджикистан) группы замечательных памятников искусства, получивших известность в качестве «Аму-Дарьинского клада» — некоторые предметы из него были опубликованы в 1889 г. И. Толстовым и Н. Кондаковым, а в 1905 г. полное издание клада предпринял английский ученый О. М. Дальтон. Помимо русских ученых и краеведов, археологические работы на территории Таджикистана, а именно на Памире, провел (в 1915 г.) известный английский археолог А. Стейн. Однако вплоть до революции основная часть территории Таджикистана в археологическом отношении оставалась «белым пятном». Именно поэтому в первой обобщающей работе по истории таджикского народа, опубликованном в 1925 г. труде В. В. Бартольда «Таджики. Исторический очерк»², археологические данные совершенно не были привлечены, да это было в то время и невозможно.

Положение с археологическим исследованием Таджикистана, как и других республик Средней Азии, коренным образом изменилось за годы Советской власти. На смену случайным поездкам отдельных путешественников и любителей пришла планомерная работа большого коллектива исследователей, крупной многоотрядной экспедиции. На месте крошечного кишлачка вырос огромный современный город Душанбе. В Тад-

¹ Н. М. Постовская, Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917—1959 гг.), М., 1961, стр. 9.

² Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 93—111 (В. В. Бартольд, Соч., т. II, ч. 1, М., 1963, стр. 449—468).

джикской ССР имеется своя Академия наук с Институтом истории им. А. Дониша, где древней историей и археологией занимается начиная с 1951 г. специальный сектор археологии и нумизматики, возглавляемый автором настоящей статьи. Археологические исследования на территории республики проводятся совместно с ленинградскими археологами в составе единой Таджикской археологической экспедиции. Ее организатором и первым начальником (с 1946 г.) был выдающийся советский востоковед А. Ю. Якубовский, после его смерти — М. М. Дьяконов (умер в 1954 г.). С 1955 г. экспедицию возглавляет А. М. Беленицкий, заместителем начальника является заведующий сектором археологии и нумизматики. На территории Таджикистана проводила работы и Памиро-Ферганская экспедиция (начальник А. Н. Бернштам).

Археологические работы в Таджикистане проводились по многим направлениям, в хронологическом диапазоне от палеолита до позднего средневековья. Для древнейшей и древней истории Таджикистана особое значение имели раскопки памятников каменного и бронзового веков; могильников кочевого населения в Северном и Южном Таджикистане и на Памире (от раннесакского времени до раннего средневековья); исследование по археологическим материалам процессов возникновения классового общества в Бактрии и развития культуры оседлого населения на всех территориях республики, этногенетических процессов, исторической географии и др. Полевые работы сочетались с публикацией памятников и разработкой соответствующих проблем с привлечением материалов письменных источников, лингвистических данных и т. д.

Осветить ход и содержание всех работ в этой статье я не имею возможности и отсылаю к своим историко-географическим работам по археологии Таджикистана³.

Археологический материал, полученный при работах археологов и исследовании нумизматов, бесконечно обогатил и конкретизировал наши представления о древней истории Таджикистана. Собственно, о целых эпохах истории стало впервые известно благодаря археологическим раскопкам; пунктир скудных и противоречивых сообщений письменных источников оброс «плотью и кровью». Одновременно с работами в Таджикистане проводились большие археологические работы в других среднеазиатских республиках. В советской науке утвердилось положение, что древнейшая и древняя история и культура Средней Азии является общим историко-культурным достоянием всех современных народов Средней Азии.

Следует отметить исследования В. В. Струве, Н. В. Пигулевской и С. П. Толстова по социально-экономическому строю древних народов Средней Азии и Ирана, труды К. В. Тревер по культурной и политической истории, работы А. Н. Бернштама по истории древних кочевников, работы М. М. Дьяконова, И. М. Дьяконова, Я. Г. Гулямова, В. А. Лившица, В. М. Массона и др. Были созданы коллективные труды по истории отдельных среднеазиатских республик: «История народов Узбекистана», «История Туркменской ССР», «История Казахской ССР», «История Киргизии».

Марксистское исследование истории таджикского народа» Б. Г. Гафурова (три покойшей и древней, содержится в «Истории таджикского народа» М., 1949, 1952, 1955). Цельность концепции, освещение строго отобранных факторов через призму марксистского метода, новаторский подход сделали эту книгу чрезвычайно интересной и важной. Более развернутое изложение проблем древнейшей истории дано в I томе «Истории таджикского народа» (М., 1963), написанном коллективом душанбинских, московских и ленинградских историков и археологов, работавших под руководством Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. В тексте и в приложениях приводятся существующие в науке гипотезы, дискуссионные точки зрения, ссылаются на источники и на соответствующую литературу. Используются все достижения советской исторической науки в области древней истории Средней Азии. Вместе с тем широко использованы фактические материалы, извлеченные из работ зарубеж-

³ Б. А. Литвинский, Археологическое изучение Таджикистана советской наукой, «Труды АН ТаджССР», XXVI, Сталинабад, 1954, 81 стр.; Б. А. Литвинский, Археология Таджикистана за годы Советской власти, СА, 1967, № 3, стр. 106—123 (с подробной библиографией).

ных исследователей, особенно в части критики источников, нумизматики, лингвистики и т. д. Мы пристально следим за результатами работ наших французских, итальянских и американских коллег в Афганистане, индийских, пакистанских, итальянских и английских археологов на индо-пакистанском субконтиненте; они учтены при написании «Истории таджикского народа».

После завершения составления (в 1960 г.) I тома «Истории таджикского народа», где, как указывалось, синтезированы результаты исторических, археологических и нумизматических штудий, работа в этой области развернулась еще шире. Наряду с прежними направлениями сектор археологии и нумизматики проводит работу по исследованию античных письменных источников по истории Средней Азии. Этим занимается И. В. Пьянков.

Работа над письменными античными (греко-латинскими) источниками ведется в секторе в трех направлениях.

Во-первых, это создание свода античных источников по истории Средней Азии. Эта работа задумана как подбор соответствующих отрывков из сочинений античных авторов, в котором будут даны параллельно греческий или латинский текст и перевод его на русский язык. Для воспроизведения текстов подбираются новейшие или наиболее признанные издания, преимущественно из серии «Teubneriana»; вместе с текстом воспроизводится и критический аппарат с разночтениями. В переводах используются и существующие уже переводы того или иного автора на русский язык. Наряду с полностью сохранившимися античными сочинениями в свод войдут и фрагментарные сочинения.

Такая работа уже проделана с сочинениями Геродота, Ксенофонта, Дiodора, фрагментами греческих историков.

Во-вторых, это комментирование сведений о Средней Азии у отдельных античных авторов, прежде всего сравнительно малоизвестных и не переведившихся на русский язык. В комментариях привлекаются не только данные античных письменных источников, но и всех прочих, в частности древнеиранских, а также данные археологии. Первым опытом в этом направлении была диссертационная работа И. В. Пьянкова «Восточные сатрапии Ахеменидов в сочинениях Ктесия».

В-третьих, это работа над историей отдельных древних среднеазиатских народов. Здесь будут в одинаковой степени привлекаться данные письменных и археологических источников. В настоящее время археология Средней Азии накопила уже достаточно сведений для того, чтобы в восстановлении древней истории того или иного среднеазиатского народа письменные и археологические источники принимали равное участие. Синтез этих источников позволяет прийти к ряду новых выводов, которые не дают в отдельности ни те, ни другие источники. Сейчас Б. А. Литвинский и И. В. Пьянков работают над завершением исследования о саках, в котором используются и письменные и археологические источники⁴.

Разумеется, античные источники самым широким образом использовались и привлекались в трудах советских и зарубежных исследователей Средней Азии. Однако в отличие от Северного Причерноморья, где благодаря штудиям выдающихся русских и зарубежных антиковедов детально разработаны сложнейшие проблемы источниковедческого анализа древних авторов, для Средней Азии эта работа по всей совокупности источников еще не проделана, имеются лишь отдельные, хотя и очень ценные исследования. В результате археологи, да и историки часто пользуются сведениями античных авторов механически, без учета того, что в них является заимствованием у предшественников, традиционной формой, каковы источники того или иного сообщения, через какие посредствующие источники они прошли и т. д. В результате сведения, по существу разновременные, сводятся воедино; сообщения, не основанные на подлинной информации, принимаются на веру и т. д. Отсюда рождаются всевозможные

⁴ Одна из частей этого исследования уже опубликована в виде статьи: Б. А. Литвинский и И. В. Пьянков, Военное дело у народов Средней Азии в VI—IV вв. до н. э., ВДИ, 1966, № 3, стр. 36—52.

неверные и даже фантастические построения, народы отправляются в странствования, которых они не совершали (например, исседоны и массагеты) и др.

В процессе составления вышеупомянутого свода должны быть разработаны основные источниковедческие проблемы, связанные с античными источниками Средней Азии, — работа, которая должна учесть и все достижения мировой науки в этой области. И. В. Пьянков завершил часть этой обширной работы, исследовав сочинения Ктесия — его сообщения о восточных сатрапиях Ахеменидов с использованием не только всей совокупности античных источников, но и данных персских источников и археологии. Эта работа И. В. Пьянкова представляется мне серьезным вкладом в историографию древней Средней Азии, как и ряд его частных исследований по отдельным вопросам древней истории⁵. Большую работу по исследованию античных источников по истории Средней Азии ведут И. М. Дьяконов, М. А. Дандамаев, Е. А. Мончадская и другие ленинградские ученые, на работах которых мы здесь не останавливаемся.

Ответить на вопрос, что принесли археологические работы в Таджикистане для исследования древнейшей и древней истории, — это значит в значительной мере повторить содержание первого тома «Истории таджикского народа». Это мало целесообразно, поэтому я остановлюсь лишь на нескольких проблемах, с учетом тех материалов, что стали известны или были обработаны уже после выхода в свет вышеупомянутого обобщающего труда.

2. МОГИЛЬНИКИ ЮЖНОГО ТАДЖИКИСТАНА, АРИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА И ДРЕВНЕЙШАЯ БАКТРИЯ

Уже во второй половине XIX в. было подвергнуто решительной критике представление о Pamire как прародине индоиранцев (или даже индоевропейцев)⁶. Во второй половине XX в. можно вспомнить об этом лишь в связи с тем, что последующее развитие науки показало, что Средняя Азия в целом (а не Памир) не может исключаться из любых построений, связанных с арийской проблемой. Среднеазиатские археологические комплексы, открытые в советское время, позволили С. П. Толстову, А. Н. Бернштаму, И. М. Дьяконову, В. М. Массону, М. А. Итиной, А. М. Мандельштаму и др. выдвинуть интересные, хотя и противоречащие друг другу гипотезы. Нам также в 1962—1964 гг. приходилось обосновывать свое понимание этой проблемы, указывая на значение южнотаджикских могильников эпохи бронзы⁷.

Могильники эпохи поздней бронзы раскопаны в низовьях Кафирнигана (Бишкентская долина), на правом берегу Вахша и Кизыл-Су — притоках Пянджа. В Бишкентской долине А. М. Мандельштамом обнаружены погребения разного типа: 1. Неглубокая яма, на дне которой — углубление с перекрытием из обломков плит. Трупосожжение. 2. Неглубокая яма с ведущим в нее спуском. Иногда в середине ямы — углубление, стены которого и дно выложены камнями. Скорченные труположения,

⁵ И. В. Пьянков, Восточные сатрапии державы Ахеменидов в сочинениях Ктесия, Автореф. дисс., М., 1966. См. также: И. В. Пьянков, Сведения Ктесия о владениях Барди на востоке Ирана (административная политика Кира II на северо-востоке его державы), ВДИ, 1961, № 4, стр. 98—103; он же, К вопросу о сфере влияния доахеменидского Хорезма, «Тезисы докладов на II Всесоюзной сессии по изучению Востока», ВДИ, 1963, № 1, стр. 175; он же, К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов, ВДИ, 1964, № 3, стр. 115—130; он же, «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н. э., ВДИ, 1965, № 2, стр. 35—50.

⁶ F. Spiegel, *Eranische Altertumskunde*, Bd. I, Lpz, 1871, стр. 428.

⁷ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов, Древности Кайрак-Кумов (древнейшая история Северного Таджикистана), «Труды Ин-та истории АН ТаджССР», XXXII, Душанбе, 1962, стр. 291—295; Б. А. Литвинский, Бронзовый век, в кн.: «История таджикского народа», I. Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского, М., 1963, стр. 127—132; Б. А. Литвинский, Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов), сб. «Индия в древности», М., 1964, стр. 143—151 (здесь же библиография вопроса).

иногда расчлененные труположения. 3. Катакомбы со скорченными труположениями⁸. К сожалению, материал детально еще не издан.

На увалах правобережья р. Вахш и Кизыл-Су обнаружены крупные могильники. С учетом весенне-летнего сезона 1967 г. нашим отрядом раскопано здесь 240 курганов. Два могильника — «Тигровая Балка» и «Ойкуль» вскрыты целиком. Это катакомбы разных типов: собственно катакомбы, подбон, могилы с крестовидным входом. Во всех типах (за редким исключением) — скорченные труположения. Датировка — вторая половина II тыс. до н. э. — начало I тыс. до н. э. Материальная культура этих могильников необычайно близка культуре Намазга VI, особенно в ее мурабском варианте, имеет некоторые аналогии с материалами из памятников Западного и Северо-Западного Ирана — поздним Спалком, Гасанлу, Марликом, Зивийе и т. д. (конкретные аналогии опускаю).

За последние годы произошло значительное накопление материала по всему фронту арийской проблемы.

Итоги исследования вопроса о переднеазиатских ариях были недавно глубоко и четко проанализированы М. Майрхофером. В то время, как в лингвистической части изучение следов «арийцев» привело к обнадеживающим результатам, в историческом отношении, — пишет М. Майрхофер, — остаются открытыми самые элементарные вопросы, связанные с переднеазиатскими ариями⁹.

Нередко пытались доказывать, что с прекращением самостоятельности Митанни и включением его в состав Ассирии (около 1240 г.) переднеазиатские индоарийцы начали странствование на восток — в Индию. Однако, как указывает М. Майрхофер, никаких оснований для этого нет. Это аргументируется отсутствием в языке и религии ведических индусов каких-либо следов хурритских влияний. Отсюда делается вывод: несмотря на явную общность языка и религии переднеазиатских ариев и древних индусов, это не последовательные стадии, их единство должно было распасться в первой половине II тыс. до н. э. При этом пришельцы в Индию, остались там со своим языком, религией и культурой, тогда как, по словам Майрхофера, «...die Indo-Arier in Vorderasien blieben Episode». По мнению вышеназванного исследователя, можно считать в высшей степени вероятным, что отделение переднеазиатских ариев от индоарийцев произошло во время странствований последних, где-то на территории Ирана¹⁰.

За последнее десятилетие скачкообразно возросли знания в области археологии Западного Ирана (вторая половина II — начало I тыс. до н. э.). Здесь раскопаны давшие богатый материал могильники, вскрыты поселения с четкой стратиграфией¹¹.

Серьезным вкладом в разработку арийской проблемы в целом и, в частности, в исследовании первоначального заселения иранцами Западного Ирана (по данным письменных и археологических источников) явилась диссертация Э. А. Грантовского¹².

Интенсивное накопление материалов характеризует и археологию индо-пакистанского субконтинента. Здесь довольно успешно пытаются связать с арийцами многие

⁸ А. М. М а н д е л ь ш т а м, Памятники «степного» круга эпохи бронзы на юге Средней Азии, в кн.: «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», М. — Л., 1966, стр. 243—251.

⁹ М. М а у р х о ф е р, Die Indo-Arier im alten Vorderasien. Mit einer analitischen Bibliographie, Wiesbaden, 1966, стр. 25.

¹⁰ Там же, стр. 39 сл.

¹¹ L. V a n d e n B e r g h e, Archéologie de l'Iran ancien, Leiden, 1959; E. O. N e g a h b a n, A preliminary report on Marlik excavation Gohar Rud expedition Rudbar 1961—1962, Tehran, 1964; R. H. D y s o n, Problems of protohistoric Iran as seen from Hasanlu, JNES, XXIV, 1965, № 3, стр. 193—217; T. C. Y o u n g, A comparative ceramic chronology for Western Asia, 1500—500 B. C., «Iran. Journal of the British Institute of Persian Studies», III, L., 1965, стр. 53—86 (с детальной библиографией); для библиографии см. также: 7000 years of Iranian art. Circulated by the Smithsonian Institution, 1964—1965, стр. 47 сл.

¹² Э. А. Г р а н т о в с к и й, Ираноязычные племена Передней Азии в IX—VIII вв. до н. э., Автореф. дисс., М., 1964.

постхараппские комплексы, в частности культуру «серой расписной керамики» долины Ганга¹³.

Но основные вопросы (даже хронологические) по-прежнему еще ждут разрешения, и в книге, опубликованной в 1966 г., М. Уилер меланхолически замечает: «К несчастью, дата или даты арийских вторжений в Северо-Западную Индию являются, в большей степени, предметом спора. Будет достаточно осторожным предположить, что они произошли когда-то во II тыс. до н. э., может быть около середины этого тысячелетия»¹⁴.

Проблема еще более осложнилась в связи с сообщениями о раскопках могильников в области Свата, которые производились археологами Пешаварского университета А. Х. Дани и Ф. А. Дуррани и сотрудниками Итальянской археологической миссии в Пакистане. Пока мы располагаем, собственно, лишь первыми сообщениями, полной публикации материалов нет. Это могильники Буткара II, Кателан I, Лоебанр I (раскопки итальянских археологов), Тхана и Тимургарха и др. (раскопки пакистанских археологов). По-видимому, могильники такого типа разбросаны по всей области древней Гандхары и уходят в сторону западных границ Пакистана. Могильники располагаются на холмах, окружающих долины рек. Могильная камера часто двухъярусная; нижняя ее половина меньше по размерам, чем верхняя, ее стены во многих случаях облицованы каменной кладкой, и она перекрыта каменными плитами. На дне ямы, на каменной плите или на грунте, скорченный костяк (реже два или три), или урна с кремпованными остатками. Инвентарь достаточно обильный: глиняные сосуды, украшения, костяные и каменные изделия и т. д.

Погребения в могильниках Свата относятся к периоду развитой и поздней бронзы и раннего железа. По G. Stagul все погребения относятся к трем периодам. Приведем некоторые существенные признаки отдельных периодов:

I период. Преобладает кремация, вместе с тем встречаются одиночные скорченные захоронения. Толстостенная красно- и сероглиняная посуда ручной работы, иногда сосуды со следами вращения. Медные изделия.

II период. Преобладает труположение. Скорченные захоронения, иногда парные. Изящная сероглиняная с прочерченным орнаментом керамика, изготовленная на круге. Медные изделия.

III период. Абсолютно преобладает труположение — единичные и множественные захоронения. Керамика красноглиняная, главным образом, на круге. Медные и железные изделия.

Инвентарь захоронений первого периода типологически увязывается с Тепе Гиссар III В, Хасанлу V и Гьян I. Инвентарь II периода характеризуется растущим значением сероглиняной прочерченной керамики. Синхронизируется с культурой Джангар Синдс — конец II тыс. до н. э., а также с культурой Джхукар и халколитичес-

¹³ S. Pigott, Prehistoric India to 1000 B. C., Penguin books, 1952, стр. 214—289; B. B. Lal, Excavations at Hastinapura and other explorations in the Upper Ganga and Sutlej basins, «Ancient India», X—XI, New Delhi, 1951—55; B. Subbaram, The personality of India. Pre-and proto-historic foundation of India and Pakistan, Baroda, 1958 (M. S. University archaeology series, № 3), стр. 96—106, 151—155; D. H. Gordon, The pre-historic background of Indian culture, Bombay, 1958, стр. 118—152; M. Wheeler, Early India and Pakistan to Ashoka, N. Y., 1959, стр. 111—117; Г. М. Бонелев, Харлаппская цивилизация и «арийская проблема», СЭ, 1962, № 1; В. М. Массон, Культурно-хозяйственные зоны древней Индии, «Индия в древности», М., 1964, стр. 60—63. Прекрасный обзор современного состояния археологической изученности проблемы был сделан в докладах А. Гхоша, Б. К. Тхапара и Н. Р. Банерджи в октябре 1964 г. на семинаре по индийской преистории и протоистории: эти доклады, прения по ним и подробная библиография — см. Indian prehistory, 1964, Poona, 1965 (Deccan college building centenary and silver jubilee series, № 32), стр. 113—262. О западных связях в керамике халколитических поселений Центральной Индии см. H. D. Sankalia, New light on the Indo-Iranian or Western Asiatic relations between 1700 B. C.—1200 B. C., «Artibus Asiae», XXVI/3—4, 1964, стр. 313—331.

¹⁴ M. Wheeler, Civilizations of the Indus valley and beyond, L., 1966, стр. 79.

ким слоем Навдатоли (1200—700 гг. до н. э.). Керамика III периода дает некоторую переключку с нижними слоями Харсада (550—300 гг. до н. э.)¹⁵.

В погребениях Свата выступают некоторые черты, сближающие их с южнотаджикистанскими. Здесь и там наличествуют сожжение и труположение, двухступчатые могильные ямы, обкладка стен нижней камеры камнем, перекрытие каменными плитами и т. д. Имеется определенная переключка и в погребальном инвентаре.

Обратимся к древнейшим религиозным памятникам — ведическим гимнам и «Авесте». В связи с южнотаджикистанскими погребениями с кремацией уже указывалось на ведические гимны¹⁶. Как известно, в ведических гимнах мало сообщений о смерти и погребальном обряде. Один из гимнов Риг-Веды (10, 16) описывает кремацию, часть другого (10, 18, 10—13)—труположение¹⁷. Гимн адресуется к Земле, призывая упокоить погребенного так, как мать укутывает сына в свои одежды (10, 18, 11). Из другого места явствует, что когда могильная яма заполнялась землей, это следовало сделать так, чтобы погребенный «не почувствовал» тяжести этого покрытия (10, 18, 13)¹⁸. Сообщается о родителях, которых после смерти предавали кремации — это *agnidagdhāh*, и о тех, кто были *anagnidagdhāh* — не кремированы (10, 15, 14). Это повторяется и в Атхарваведа (18, 2, 34) и др.

В истолковании этих текстов между санскритологами нет полного согласия. Если Макдонелл рассматривает упоминавшийся выше гимн Риг-Веды, 10, 18, 13 как прямое свидетельство о наличии труположения, другие исследователи полагают, что это могло быть и описание помещения в землю остатков после кремации¹⁹. Сопоставление имеющихся данных заставляет нас примкнуть к точке зрения Макдонелла, утверждающего, что в ведические времена, хотя именно «кремация была обычным способом, позволявшим покойнику достичь следующего мира», применялось и труположение. Следует также согласиться с индийским исследователем Д. Р. Шастри, который писал: «Риг-Веда рассматривает погребение и кремацию, как два законные альтернативные метода, и идея погребения покойника не отсутствует, хотя стандартной практикой было сожжение»²⁰.

Судя по более поздним памятникам, кремация становится полностью доминирующей: погребались лишь дети, умершие до двух лет, и аскеты, остальные покойники кремировались²¹.

С покойником клались украшения и некоторые вещи, по-видимому, и оружие²². Имеются также указания о предпочтительности круглого, а не четырехугольного надгробия²³.

¹⁵ Ch. S. Antonini, Preliminary notes on the excavation of the necropolises found in Western Pakistan, EW, N. S., т. 14, № 1—2, Rome, 1963, стр. 13—23; G. Staggul, Preliminary report on the pre-buddhist necropolises in Swat (W. Pakistan), EW, N. S., т. 16, № 1—2, Rome, 1966, стр. 39—68; A. H. Dani and F. A. Durrani, A new grave complex in West Pakistan, «Asian Perspectives. The bulletin of the Far-Eastern prehistory association», т. VIII, № 1, Summer, 1964, Hong Kong, 1966, стр. 164 сл. Сведения о могильнике Кхеран см. EW, N. S., т. 16, № 3—4, Rome, 1966.

¹⁶ Мандельштам, ук. соч. стр. 257.

¹⁷ A. A. Macdonell, Vedic mythology, Strassburg, 1897 (Encyclopaedia of Indo-Aryan research, III/I-a), стр. 165.

¹⁸ M. Müller, Die Todtbestattung bei den Brahmanen, ZDMG, Bd. IX, Lpzg, 1855, стр. XVIII—XIX.

¹⁹ Macdonell, ук. соч., стр. 165. Cp. H. Oldenberg, Die Religion des Veda, B., 1894, стр. 570—571; W. Caland, Die altindischen Todten- und Bestattungsgebräuche, Amsterdam, 1896, стр. 165 сл.; R. Chanda, The Indus valley in the Vedic period, Calcutta, 1926 (MASJ, № 31), стр. 9—10.

²⁰ D. R. Shastri, Origin and development of the rituals of ancestor worship in India, Calcutta, Allahabad, Patna, 1963, стр. 10. См. также Macdonell, ук. соч., стр. 165; Piggott, ук. соч., стр. 284. Впрочем, этого не отрицает и Г. Ольденберг.

²¹ A. Hellebrandt, Ritual-Literatur. Vedische Opfer und Zauber, Strassburg, 1897 (Grundriss der Indo-Arischen Philologie und Altertumskunde, Bd. III, Ht. 2.), стр. 87; Piggott, ук. соч., стр. 284.

²² Müller, ук. соч., стр. VII—VIII; Macdonell, ук. соч., стр. 165.

²³ Chanda, ук. соч., стр. 13. О его высоте см. Shastri, ук. соч., стр. 33.

Обратимся к «Авесте». Видевдат знает три способа захоронения: выставление трупов на открытом воздухе (Vid, V, 7, 45 сл.), погребение в земле (Vid., V, 7, 47 сл.) и погребение в так называемых дахма (Vid., V, 7, 49 сл.). О погребенных в земле (saigi mašya iriste zom̃ nīkante) сообщается, что через пятнадцать лет помещенные трупы превращаются в прах (Vid., V, 7, 48) ²⁴. О погребенных в земле сообщается и в Яштах (см., в частности, Яшт, 13) ²⁵. Вместе с тем анализ «Авесты» позволил Е. Херцфельду сделать заключение, что первоначально пращцы применяли кремацию и лишь в более позднее время перешли к труположению ²⁶. Вместе с тем раскопки могильников в Иране, которые можно связывать с ранними пращцами, не принесли открытия погребений с кремированием. Следовательно, «Авеста» отражает здесь не западно-, а восточноиранскую традицию.

Итак, древнейшие религиозные памятники индусов и восточных иранцев дают такие сведения о погребальном обряде, которые в определенной степени могут быть сопоставлены с погребальной практикой племен, живших в Южном Таджикистане и в Западном Пакистане в конце эпохи бронзы. Появление на этой территории вышеперечисленных памятников, а также хронологические соображения позволяют рассматривать их, как связанные с арийскими передвижениями.

Чрезвычайно сложным является вопрос о происхождении этих племен. Сходство материальной культуры таджикистанских могильников Вахша и Кизыл-Су с культурой мургабского варианта южнотуркменистанской культуры Намазга VI ²⁷ настолько поразительно, что возникает вопрос о какой-то генетической связи. В отношении обряда погребения судить трудно: мы не располагаем достаточным сопоставительным материалом из Южной Туркмении времени Намазга VI. Можно вместе с тем сказать, что скорченные труположения Янгикалинского могильника, расположенного вне поселений (к сожалению, не была выявлена конструкция могильной ямы), скорченные погребения на мургабских поселениях ²⁸, наличие здесь и случая неполного трупосожжения ²⁹ — все это могло явиться одной из исходных точек для развития погребальных обрядов, свойственных южнотаджикистанским могильникам ³⁰.

Историко-археологические контуры этой гипотезы могут быть намечены следующим образом. Уже в начале эпохи Намазга VI в комплексах анауской культуры как будто появляются фрагменты керамики степного типа ³¹. Судя по обилию находок такой керамики на памятниках Южной Туркмении второй половины II тыс. до н. э., наличие могильников степной бронзы, там происходила интенсивная инфильтрация степных племен в область расселения оседло-земледельческих племен. Реальные процессы, протекавшие здесь, остаются почти совершенно неизвестными, но едва ли приходится сомневаться, что приток степного населения вел к серьезным изменениям в различных областях материальной и духовной культуры, более того — хозяйства и образа жизни некоторых групп Южной Туркмении. В тот период, как справедливо подметил Б. Б. Пиотровский, происходит более интенсивное развитие скотоводства и боводства. «В это время, — пишет Б. Б. Пиотровский, — уже начала оформляться характерная черта развития Средней Азии — сосуществование

²⁴ Н. Н u m b a c h, Bestattungsformen in Vidēvdāt, «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen», Bd. 77, Ht 1/2, Göttingen, 1961, стр. 99.

²⁵ Е. Н e r z f e l d, Zoroaster and his world, II, Princeton, 1947, стр. 747.

²⁶ Там же стр. 748.

²⁷ См. В. М. М а с с о н, Древнеземледельческая культура Маргяны, М. — Л., 1959 (МИА, № 73).

²⁸ А. Ф. Г а н я л и н, Погребения эпохи бронзы у селения Янги Кала, «Труды ЮТАКС», VII, Ашхабад, 1956, стр. 376. Здесь отмечены кострища, связанные с погребениями.

²⁹ М а с с о н, Древнеземледельческая культура Маргяны, стр. 12—19.

³⁰ В. М. М а с с о н, Расцвет и упадок культуры земледельцев Юго-Запада, в кн. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», М. — Л., 1966, стр. 171.

³¹ М а с с о н, Древнеземледельческая культура Маргяны, стр. 98.

культуры земледельцев и кочевников»³². И в результате действия всех этих, а также может быть, и естественно-географических факторов какая-то довольно крупная группировка племен из восточного окончания ареала расселения земледельческих племен начала передвигаться на восток. Значительная часть их проникла в бассейны рек — притоков Пянджа — Аму-Дарьи, другие ушли на юг — в Афганистан. При этом оставшиеся в Южном Таджикистане племена вновь вошли в контакт с поселившимися здесь племенами степной бронзы (одно из поселений степной бронзы открыто в районе Курган-Тюбе).

В процессе начальных и последующих контактов «степняки», растворявшиеся среди оседлых земледельцев, усвоившие их материальную культуру, вместе с тем сами воздействовали на сложение погребальных обрядов³³. Одновременно в среде земледельцев распространяются языки пришлого степного населения — арийские. Было бы большим упрощением приравнивать распространение арийских языков к смене одних этнических групп другими. Как известно на примере, скажем, латинского языка в Западной Европе, таджикского и тюркского языков в Средней Азии, в силу тех или иных исторических и лингвистических причин тот или иной язык в случаях тесного контакта разноязычных племен и народов в исторически короткие сроки может стать господствующим в ранее ппоязычной среде.

Обработанный палеоантропологический материал пока очень незначителен. С поселения Тахирбай-3 (низовья Мургаба) имеется три определенных черепа. Два из них — женские, представляют средиземноморский расовый тип. Третий — мужской, скорее, по мнению В. В. Гинзбурга, характеризуется протоевропеоидным типом и сближается, несмотря на особенности, с черепами срубной и андроновской культуры³⁴. Изучившая серию черепов из могильников Южного Таджикистана Т. П. Княткина установила, что они дают «один антропологический тип — европеоидный, долихо-краний, высоколицый, который может квалифицироваться как восточная ветвь средиземноморской расы». Женские черепа из Тахирбай-3 и из южнотаджикистанских могильников необычайно, как нам сообщила Т. П. Княткина, близки. Вместе с тем, в южнотаджикистанской краниологической серии «не исключено присутствие „андроновского“ элемента»³⁵. Все это также вполне согласуется с нашей реконструкцией историко-лингвистических процессов.

По мнению некоторых ученых, «арийцы» прошли в Иран и Индию через Среднюю Азию, по мнению других — через Кавказ. Однако ни «среднеазиатский», ни «кавказский» варианты, взятые в отдельности, не могут полностью объяснить всех фактов. Быть может, действительный процесс был значительно сложнее и включал целую серию передвижений как через Кавказ, так и через Среднюю Азию, причем арийские языки могли распространиться на юге Средней Азии уже в середине II тыс. до н. э. При анализе этих событий нельзя не учитывать, что культуры наиболее вероятных носителей арийской речи — западноандроновских и срубных племен были очень близки. О контакте между ними, о распространении в Средней Азии групп, переселившихся из андроновской и срубных областей, а также культур, входящих в группу культур степной бронзы, свидетельствует археологический материал. Итак, эта сложнейшая проблема в своем среднеазиатском аспекте все еще не имеет окончательного

³² Б. Б. Плотровский, Успехи советской археологии в изучении древнейшей истории Закавказья и Средней Азии, «Уч. зап. Ин-та востоковедения АН СССР», XXV, М., 1960, стр. 48 сл.

³³ Здесь необходимо также принимать во внимание наличие катакомбных захоронений у заман-бабинских племен низовьев Зеравшана (Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров, Первобытная культура и возникновение орошенного земледелия в низовьях Зарафшана, Ташкент, 1966, стр. 119—129). Эти племена, на наш взгляд, сложились в результате смешения поздне-кельтимингарских племен с предыдущей волной переселенцев из Южной Туркмении.

³⁴ В. В. Гинзбург, Материалы к антропологии населения Южной Туркмении в эпоху поздней бронзы, «Труды ЮТАКЭ», IX, Ашхабад, 1959, стр. 105—106.

³⁵ Т. П. Княткина, Формирование антропологического типа таджиков по палеоантропологическим данным, Автореф. дисс., Душанбе, 1965, стр. 6.

решения. Открытые на юге Таджикистана могильники запечатлели лишь несколько моментов передвижений племен, связанных с распространением арийцев в Средней Азии. Пакистанские могильники, в материалах которых в большей степени прослеживаются, на наш взгляд, связи с Западным Ираном и Кавказом, характеризуют какую-то другую волну этих передвижений.

Изложенное выше построение, идея которого была высказана нами несколько лет назад ³⁶, является попыткой объяснить имеющиеся факты и, разумеется, является лишь рабочей гипотезой ³⁷. Бесспорно, что именно Средняя Азия в эпоху поздней бронзы была той ареной, где происходили перемещения части арийских племен, составивших, с одной стороны, основной пласт последующего этноса Средней Азии, а с другой — пронесших арийскую речь дальше — в Восточный Иран, Афганистан и Индию, куда достигали и другие волны населения, пришедшего из Западного и Северо-Западного Ирана ³⁸.

Задержавшиеся в долинах юго-восточной части Средней Азии племена оставили не только могильники, но и поселения — одно такое поселение раскапывает в Сурхан-Дарьинской Л. И. Альбаум. Нижний слой его датируется временем Намазга VI, верхний — VII—V вв. до н. э. ³⁹. Как материалы этого поселения, так и могильников позволяют проследить пути формирования древнебактрийской культуры. Более того, становится ясным, что вхождение Маргяны в ахеменидское время в состав Бактрии (DB, III, 10—21) является не простым политическим актом, а имеет очень длительную традицию, опирающуюся на этническо-культурную общность, восходящую к эпохе поздней бронзы. Нельзя не отметить, что роль и значение Средней Азии эпохи бронзы иногда оцениваются недостаточно точно. Так в изданной ЮНЕСКО «Истории человечества. Научное и культурное развитие» Л. Вулли пишет о южнотуркменистанской культуре эпохи бронзы: «Общий характер ее сравнительно простой, это культура обществу, жившего скорее в заводи, чем в какой-либо важной стремнине прогресса» (community living on a backwater rather than on any important stream of progress) ⁴⁰. На самом деле, как показывает вышеприведенное, племена Средней Азии не только создали в эпоху бронзы высокие духовные и материальные ценности, не только являлись одним из важнейших посредствующих звеньев между цивилизациями Древнего Востока и евразийскими степными культурами, но и находились в самом фокусе важнейших историко-лингвистических процессов.

3. ПАМИРСКИЕ КУРГАНЫ И СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ САКИ

Высоко в горах, там где уже кончаются альпийские луга и лишь чахлая растительность покрывает поймы рек и осыпи моренных всхолмлений, где бродят стада экзотических яков, а воздух так разрежен, что для вновь прибывших требуется длительная

³⁶ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов, Древности Кайрак-Кумов, стр. 295.

³⁷ Обзор других гипотез см. K. Jettmar, *Mittelasien und Sibirien in vortürkischer Zeit*, Jn: «Handbuch d. Orientalistik», I, IV, 5, Leiden — Köln, 1966, 35—37.

³⁸ О множественности волн по лингвистическим данным см. T. Burrow, *The Sanskrit language*, L. 1955, стр. 31—32. Некоторые историко-культурные факты позволяют предположить, что и носители протодарских языков пришли в Индию, вопреки мнению Р. Хейне-Гельдерна, K. Jettmar и др. (см., например, K. Jettmar, *Ethnological research in Dardistan*, 1958. A preliminary report, «Proceedings of the American philosophical society», т. 105, № 1, 1961, стр. 92—94 — там же литература вопроса) не с Кавказа, а из Средней Азии — полностью или частично (см. об этом подробнее Б. А. Литвинский, Таджикистан и Индия, стр. 143—151. Ср. K. Jettmar, *The slab with a ram's head in the Rietberg museum*, «Artibus Asiae», XXVII, Ascona, 1964, стр. 296—297). Не составило ли другой компонент протодарцов население, которому принадлежали могильники Свата?

³⁹ Л. И. Альбаум. Поселение Кучуктепе в Узбекистане, «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР. Тезисы докладов», Баку, 1965, стр. 59 сл.

⁴⁰ J. H. W. K. and L. W. L. Prehistory and the beginnings of civilization, L., 1963 (History of mankind. Cultural and Scientific development, I), стр. 827.

акклиматизация, в долинах и на горных склонах Восточного Памира А. Н. Бернштам, а вслед за ним я и мои сотрудники на протяжении многих лет исследовали могильники памирских саков⁴¹. Здесь, в чрезвычайно трудных природных условиях (в одном случае мы проводили раскопки на высоте 4200 м) вскрыто 260 курганов и культовых мест.

Открытие могильников на Восточном Памире подняло ряд сложных проблем. Нет никакого сомнения, что погребальный инвентарь из этих могильников — сакский. Он очень напоминает скифский и савроматский и обнаруживает самую непосредственную близость к семпреченскому, отчасти приаральскому и центрально-азиатскому, причем не только в отношении знаменитой «скифской триады», но и в керамике; своеобразие не очень значительное. С другой стороны, антропологический состав населения иной: на Памире сакское население было долинхокрайним, примыкая в этом отношении к древнему населению индо-пакистанского субконтинента. Памирские саки — представители средиземноморского типа, резко отличающиеся по своему физическому облику от семпреченских и приаральских саков⁴².

Исследование материальной культуры памирских саков привело нас к заключению о довольно значительных элементах, связывающих ее с Индией. В этом отношении показательны сердоликовые бусы с наведенным орнаментом. Детальное сопоставление и картографирование центров производства таких бус в Индии⁴³ и на Восточном Памире позволили нам установить возможные пути проникновения этих бус к памирским сакам⁴⁴. В памирских могильниках обнаружены наглазники из раковин. Точно такие же раковины найдены в южноиндийских мегалитах⁴⁵, причем у многих племен Южной и Юго-Восточной Азии раковина — символ глаза⁴⁶. Связи с Индией прослеживаются и по другим направлениям.

Все это очень существенно для проблемы локализации группировок сакских племен в Средней Азии.

Уже сто лет назад в науке утвердилось отождествление амюргийских скифов Геродота и саков-хаумаварга древнеперсидских надписей⁴⁷. В 1862 г. Георг Равлинсон высказал мнение, что сака-хаумаварга — «очевидно, обозначение восточных скифов на границах Индии»⁴⁸; впоследствии некоторые исследователи принимали эту локализацию, по меньшей мере такое же количество — отвергало ее. Вопрос действительно

⁴¹ А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, М.—Л., 1952 (МИА, № 26); А. Н. Бернштам, Саки Памира, ВДИ, 1956, № 1; Г. Г. Бабанская, Ю. А. Заднепровский, Археологические исследования А. Н. Бернштама на Памире в 1956 г., «Труды АН ТаджССР», вып. 91. Сталинабад, 1959; Б. А. Литвинский, Раскопки могильников на Восточном Памире в 1958 г., «Труды Ин-та истории АН ТаджССР», 27, Душанбе, 1961; Б. А. Литвинский, Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности, М., 1960 (XXV ММКВ. Доклады делегации СССР); Б. А. Литвинский, Раскопки могильников на Восточном Памире в 1959 г., «Труды Ин-та истории АН ТаджССР», XXXI, Душанбе, 1961; Б. А. Литвинский, М. А. Бубнова, Раскопки курганов на Восточном Памире в 1960 г., «Труды Ин-та истории АН ТаджССР», XXXIV, Душанбе, 1962.

⁴² Князевна. Формирование..., стр. 6—7.

⁴³ Н. С. Веск, Etched carnelian beads, «The antiquaries journal», т. XIII, № 4, 1933; Е. Маскау, Decorated carnelian beads, «Man», т. XXXII, № 150, 1933; Н. С. Веск, The beads from Taxila, Delhi, 1941 (MASI, № 65); M. G. Dikshit, Etched beads in India — «Deccan college monograph series», Poona, 1949, № 4 и др.

⁴⁴ Б. А. Литвинский, Таджикистан и Индия..., стр. 151—153, рис. 12—13.
⁴⁵ N. R. Banerjee, The megalithic problem of Chingleput in the light of recent exploration, AJ, № 12, 1956, стр. 26, 29, табл. II; N. R. Banerjee, K. V. Sundara Rajan, Sanur 1950 and 1952: a megalithic site in district Chingleput, AJ, № 15, 1959, стр. 37, 39, табл. XIX/A; Б. А. Литвинский, Таджикистан и Индия..., стр. 154—156, рис. 14.

⁴⁶ V. Elvin, The tribal art of Middle India, Oxf., 1951, стр. 38—45, рис. 131.

⁴⁷ В. В. Григорьев, О скифском народе саках, СПб., 1871, стр. 8; F. Justi, Geschichte des alten Persien, B., 1879, стр. 57.

⁴⁸ См. «History of Herodotus». A new English version, ed. G. Rawlinson, New ed., I, L., 1862, стр. 53, прим. 5.

очень сложен. Мы не будем приводить здесь подборку сообщений античных авторов: это исчерпывающе сделано В. В. Григорьевым, Э. Херцфельдом, А. Херрманом и Ю. Юнге. С этим связан еще один давно тянувшийся спор. Дело в том, что в надписи «е» Дария из Персеполя (*ДРс*, 18) фигурирует просто «сака»⁴⁹. В Бехистунской надписи, в перечне стран, доставшихся ему «по воле Ахура-Мазды», Дарий упоминает «сака» (*ДВ*, 1, 16—17) без всякого определения. В начале II столбца, в перечне восставших против него в 520 г. стран фигурирует «сака» (*ДВ*, II, 8). Ф. Андреас в свое время выдвинул предположение, что существовало три различных народа: саки, саки-хау-маварга и саки-тиграхауда⁵⁰. Эту точку зрения воспринял Э. Херцфельд, пытавшийся обосновать ее ссылками на иконографию древнеперсидских рельефов. Он полагал, что эти *die blossen Saken* жили где-то в северном Белуджистане, поэтому в надписях они перечисляются рядом с индусами и гандхарами⁵¹.

Однако высказывалась иная точка зрения, а именно об идентичности «просто саков» надписей с саками-хаумаварга. Недавно она прекрасно обоснована М. А. Дандмаевым⁵².

Конечно, в I—II столбцах Бехистунской надписи речь идет о тех саках, которые были еще до Дария хорошо известны персам и были покорены уже при Кире — ими были саки-хаумаварга⁵³. Это подтверждает и Геродот (VII, 64): «саками называли собственно аморгийских скифов». Из контекстов ряда древнеперсидских надписей, из прямых и косвенных сообщений античных источников вытекает, что саки жили в непосредственном соседстве с Бактрией и Индией. Однако из них остается неясным, как далеко на юг от Средней Азии в V—III вв. простирались пределы их территории.

Гекатею (517 г. до н. э.) принадлежит следующее сообщение, сохранившееся у Стефана Византийского: *Κασπάτιος πόλις Γανδαρίης Σκοθῶν ἀκτῆ*⁵⁴ (последнее слово предполагалось исправить на *ἀντίη*, т. е. речь идет о гандхарском городе Каспаторе — «скифской гавани», но если принять исправление, получается что-то вроде «сторона, противоположная скифам» или, может быть, «ворота в страну скифов»)⁵⁵. Некоторые историки, например А. Олмстэд⁵⁶, принимают это исправление, другие⁵⁷ — нет. Дело в том, что Геродот (IV, 44) знает город, очень близкий по написанию — *Κασπάτιος*, причем он является гаванью⁵⁸. Таким образом, интерпретация этого сообщения Гекатея связана со значительными сложностями. Нам представляется наиболее вероятным толкование, предложенное Й. Марквартом. Он полагает, что город Каспатор (или Каспатор) можно сопоставлять с Кабулом, Кашмиром или Мултаном, но склоняется к тому, что этот город скорее всего следует искать где-то в Гандхаре. Под скифами следует понимать саков, которые должны были жить между Гандхарой и Бактрией. Что же касается выражения «пристань», которое Гекатей употребляет, говоря об этом городе, то оно объясняется тем, что на Кабул-Дарье, должно быть, была пристань и отсюда велась торговля по Инду⁵⁹.

⁴⁹ R. C. Kent, *Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon*, Sec. ed., New Haven, Connecticut, 1953 (American Oriental ser., 33), стр. 136.

⁵⁰ F. C. Andreas, *Ueber einige Fragen der ältesten persischen Geschichte*, — *Verhandlungen des XIII Internationalen Orientalisten — Kongresses*, Hamburg, September 1902, Leiden, 1904, стр. 97.

⁵¹ F. Sarre und E. Herzfeld, *Iranische Felsreliefs*, B., 1910, S. 30; E. Herzfeld, *Archaeologische Mitteilungen aus Iran*, Bd. IV, Ht. I, B., 1931, стр. 9.

⁵² М. А. Дандмаев, *Поход Дария против скифского племени тиграхауда*, КСИИ, вып. 61, М., 1963, стр. 178—180.

⁵³ Поэтому мы не принимаем точку зрения Р. С. Кента, что «сака» ранних клинописных текстов затем (в DSe, DNa XPh) разделены на две группы, см. R. C. Kent, *Old Persian texts*, IV. Lists of provinces, JNES, т. II, № 4. Chicago, 1943, стр. 304.

⁵⁴ Steph. Byz., s. v. *Κασπάτιος*.

⁵⁵ A. Hermann, *Kasparyos, RE*, Hlbd. XX, Stuttgart, 1919, стб. 2270.

⁵⁶ A. T. Olmstead, *History of the Persian Empire*, Chicago, 1959, стр. 212.

⁵⁷ Э. А. Грантовский, *Из истории восточноиранских племен на границах Индии*, КСИИ, вып. 61, М., 1963, стр. 25.

⁵⁸ О местоположении этого города см. также Нег., 111, 102.

⁵⁹ J. Marquart, *Untersuchungen zur Geschichte von Eran*, Ht. II, Lpz, 1905 (Sonderdruck aus dem «Philologus», Supplbd. X. Ht. I), стр. 242 сл. См. также

Так это или не так, но во всяком случае, как справедливо считает Ю. Юнге, этот фрагмент определенно указывает на то, что какие-то сакские племена граничили с Индией⁶⁰. Нельзя не согласиться с И. Шефтеловицем, что это соседство имело место уже в раннеахеменидское время⁶¹.

В этой связи следует также указать, что Александр Македонский на своем пути из Средней Азии в Индию прошел через Ассакену (*Ἀσσηκηνή*, Мегасфен у Arr., Ind. 1, 8 называет страну *Ἀσσηκίη*)⁶².

Главным городом этой страны была Массака — *Mássaqa* (варианты — *Míssaqa*, *Mazaga*) — первый и самый большой город в области ассакенов. Его локализируют в районе совр. города Чак-дара (*Chak-dara*) в долине Свата⁶³. Название народа — ассакена, так же как название другого рядом расположенного народа — аспаспон, производят из санскритского *aśva*, пракритского *aśvaka* «лошадь» и *assaqa* — *assaqa* «всадник» и иранского *aspa* «лошадь». В древнеиндийских источниках упоминаются *Āśvāyana*, *Āśvakāyana* и *Maśakāvati*⁶⁴.

Однако уже В. Томашек обратил внимание на явную несообразность: развитое коневодство невозможно в долине Свата. Он думал, что кони пригонялись сюда из области верховий Аму-Дарьи⁶⁵. Но возможно и другое предположение — что это раннее индийское осмысление каких-то этнонимов, в основе которых имелось слово «сак». Г. Туччи (с вопросом) пытается связать *Massaga*-*Maśakāvati* с массагетами⁶⁶.

Характерно, что и в названии города и в названии страны мы находим элемент «сак». Едва ли это случайно, вероятно, в топонимах отложилось наименование древнего местного населения.

Итак, повторяем: вся совокупность письменных источников, как и контекст исторических событий, свидетельствуют о том, что по соседству с Индией и Бактрией находилась одна из крупных группировок сакских племен, скорее всего сака-хаумаварга.

На последнее указывают и некоторые данные лингвистического порядка.

Мы имеем в виду топоним «Мунджан». Еще в 1905 г. Й. Маркварт писал: «... следует искать местоположение саков (хаумаварга) к западу от Шугнана, где-то в Мунджапе, Сангличе и Зебаке, в области истоков Кокчи, где еще сегодня говорят на так называемых „памирских диалектах“»⁶⁷. Позже этот исследователь сформулировал свою мысль еще более отчетливо. Он считал бесспорным, что Мунджан — это страна саков-хаумаварга⁶⁸.

Жители сами называют свою территорию *Mun'jān*, а себя самих — *Mun'jīn(u)*.

Оно фигурирует уже у Сюань-Цзая, согласно Б. Карлгрену оно огласовывается, как *Mun-g' dūn* (= **Mungān*)⁶⁹.

H. Stietengron, *Indische Sonnenpriester Samba und die Śakadvīpīya-Brāhmaṇa*, Wiesbaden, 1966 (Schriftenreihe des Südasien-Instituts der Universität Heidelberg, Bd. 3), стр. 226 сл., Anm. 18 (топоним сохранялся еще во II в. н. э.). Э. Херцфельд, напротив, совершенно отрицает реальное значение этого сообщения. E. Herzfeld, *Archaeologische Mitteilungen...*, IV, I, стр. 10, как и A. Herrmann, Sakai, RE, Zweite Reihe, Bd. 1/2, Stuttgart, 1920, стр. 1772.

⁶⁰ J. Junge, *Saka-Studien. Der Ferne Nordosten in Weltbild der Antike*, Lpz, 1939 (Klio, Beiheft XLI; N. F., Ht. 28), стр. 50.

⁶¹ J. Schefelowitz, *Die Mithra-Religion der Indoskythen und ihre Beziehung zum Saura- und Mithras-Kult*, «Acta Orientalia», т. XI, ч. IV, Lugduni Batavorum, 1933, стр. 294.

⁶² Tomaschek, *Assakenoi*, RE, Bd. II, Stuttgart, 1896, стб. 1740—1741.

⁶³ Herrmann, *Massaka*, RE, Bd. XIV, Stuttgart, 1930, стб. 2130.

⁶⁴ Tomaschek, *Assakenoi*, стб. 1741; V. S. Agravala, *India as known to Pāṇini*, Lucnow, 1953, стр. 453 сл.; G. Tucci, *The temples of the Asvakayana-Assakenoi*, EW, N. S., 14/1—2, Rome, 1963, стр. 27 сл.

⁶⁵ Tomaschek, *Aspasioi*, RE, Bd. II, Stuttgart, 1896, стб. 1722.

⁶⁶ Tucci, ук. соч., стр. 28.

⁶⁷ Marquart, *Untersuchungen...*, стр. 142.

⁶⁸ J. Marquart, *Das erste Kapitel der Gāpā uštavati*, Roma, 1930 («Orientalia», № 50), стр. 42.

⁶⁹ G. Morgenstierne, *The name Munjān and some other names of places and peoples in the Hindu Kush*, BSOS, 1931, т. VI, ч. 2, стр. 439.

Сопоставляя наименование «Мунджан» в мунджанском и йидга, Моргенштерне пришел к заключению, что первичная форма должна была быть *Mṛg. В языке кати мунджанцы обозначаются Mṛṅgul. Оно происходит от корня Mṛga. Отсюда возникает возможность объяснения пмеви Murg-ān, Munj-ān. Дело в том, что в нескольких иранских диалектах Памира и Гиндукуша отмечено превращение *ṛ* в *n*, отсюда, по Моргенштерне, возможна реконструкция такой эволюции: *Mṛg- > *Murng- > Mung.

Моргенштерне считает «заманчивым» предположение Й. Маркварта: сопоставить sakā haumavargā, вернее ср. — пр. * (h)ōmwarṇ- с *Mṛg-. Моргенштерне отмечает некоторые лингвистические трудности, но не считает их непреодолимыми. Он обращает, в частности, внимание, что греч. Ἀμύργιοι предполагает возможность раннего «укорачивания» начальной части этого слова ⁷⁰.

Что же касается слова «йидга», он думал, что «не невозможно», что оно связано со словом «Hind», т. е. Индия, и первоначально обозначало мунджанцев, поселившихся на «индийской стороне» перевалов ⁷¹.

Крупнейший современный авторитет в области хотано-сакского языка Г. Бэйли также считает, что наименование «хаумаварга» сохранилось и дошло до нас в названии «Мунджан» (и в вариантах этого названия в йидга). В наименовании другой части мунджанцев, близко родственных им йидга сохранилось название области iwān-d'uok (позже kūan-tu) — той области в северном Припамирье, где-то на юго-востоке Ферганской долины, где жили, по китайским источникам, потомки древних саков ⁷². Не все здесь в лингвистическом отношении бесспорно; Э. А. Грантовский, например, доказывает, что само слово «мунджан» имеет древнеиндийское происхождение; но и он вслед за Г. Бэйли полагает, что название мунджанцев в йидга — Wgāyo восходит к пмеви «хаумаварга». Вместе с тем, он пытается доказать связь между «мунджан» и «хаумаварга» другим путем. Он выводит слово «мунджан» из древнеиндийского термина, обозначающего один из видов растения сомы (др.инд. soma, иран. hauma) и предполагает, что это «... дает, быть может, основание сопоставить образованное от него имя мунджанцев и Мунджана с именем саков-хаумаварга, которое также содержит название хаумы: Haumavargā — „тщущие хауму“» ⁷³. Таким образом, критика касается здесь лингвистических частностей. Даже если принять эти критические замечания, остается вполне вероятным, что в слове «мунджан» тем или иным путем отложилось слово хаумаварга.

Приведем еще одно свидетельство о южных саках, может быть, относящееся к Северо-Западной Индии.

Индийский ученый Д. Р. Бхандаркар исследовал зафиксированный у грамматика Патанджали (184—148 гг. до н. э.) в его сочинении «Махабхашья» ⁷⁴ составной термин «Śakauchanapa», т. е. «Шаки и Яваны». Анализируя ряд данных, этот исследователь сделал несколько выводов, в частности о том, что уже в первой половине II в. до н. э. Śaka жили вместе с «арийцами» и что подобно бактрийским грекам у них было свое небольшое владение, где-то в северо-западной части Индии ⁷⁵.

⁷⁰ Morgenstierne, ук. соч., стр. 444.

⁷¹ Там же, стр. 443.

⁷² H. W. Bailey, Languages of the Saka, Handbuch der Orientalistik, I, IV, I. Linguistik, Leiden — Köln, 1958, стр. 132; Б. А. Л и т в и н с к и й, Раскопки монгольских на Восточном Памире в 1958, стр. 47.

⁷³ Э. А. Грантовский, Из истории восточсиранских племен на границах Индии, КСИИ, вып. 61. М., 1963, стр. 28. Попытки локализовать саков-хаумаварга на основании географии растения, из которого изготавливается хаома, делались неоднократно, см. S. Chatterdhya, The Achæmenids in India, Calcutta, 1950, стр. 24 сл. (тут же дальнейшие ссылки).

⁷⁴ См. А. В. Keith, A history of Sanskrit literature, L., 1953, стр. 426 сл.; В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Санскрит, М., 1960, стр. 44.

⁷⁵ D. R. Bhandarkar, Notes on ancient history of India, «Indian Culture», т. I, № 2, Calcutta, 1934, стр. 275 слл. Этот термин привлекал внимание исследователей и до Бхандаркара (см., например, J. E. Fleet, The Saka era, JRAS, 1910, July, L., 1910, стр. 823, сл.; H. Lüders, Die Sakas und die «nordarische» Sprache, SPAW, 1913, XXIII—XXIV, B., 1913, стр. 411 слл.), но они не делали столь определенных исторических выводов.

Разбирая выводы Бхандаркара, Стен Конов отрицал возможность, что во времена Патанджали саки были в Индии. В выражении Патанджали он видит отражение сообщений, полученных в Индии, о сражениях саков с Греко-Бактрией на ее границах. Однако это последнее заключение основывается лишь на хронологии сообщений китайских хроник о вторжении саков в Индию ⁷⁶. Стен Конов исходил из постулата, что саки не могли жить в Северной Индии задолго до их вторжений в конце II—I вв. до н. э. Основанный на ошибочных посылках скептицизм Стен Конава должен быть в этой части отвергнут, и сведения Патанджали могут учитываться как свидетельство о большой роли саков в первой половине II в. до н. э. в северной Индии ⁷⁷.

Что же касается северной границы группировки сака-хаумаварга, то здесь еще меньше определенного.

Название «амюргий», «хаумаварга» многие исследователи сопоставляли (и сопоставляют) с гидронимом Мургаб в Юго-Восточной Туркмении, а «амюргийскую равнину» ищут именно там же. Однако здесь возможны и другие толкования. А. Н. Бернштам указал, что река Мургаб имеется и на Восточном Памире, а А. Херрманн в качестве «амюргийской равнины» предложил рассматривать Алайскую долину ⁷⁸. В этом предложении есть много привлекательного. Алайская долина — это рай для кочевников, именно благодаря своим удивительным травостоям она до сих пор самым широким образом используется для скотоводства. Разумеется, в «амюргийскую равнину» могла включаться и Ферганская долина (или ее часть).

Нельзя проходить мимо лингвистических и этнографических данных. В фольклоре и верованиях памирских таджиков сохранились прямые переживания верований, свойственных сако-массагетским племенам, реликты древних верований сохранились и в их языке ⁷⁹. Возможно, саки южной части Восточного Туркестана, от средневековых потомков которых дошли до нас памятники письменности, входили в ту же группировку племен, что и памирские саки. Язык упомянутых восточнотуркестанских саков получил название хотано-сакского.

Многое, как в области фонетики, так и грамматики и лексики, сближает хотаносакский с памирскими, особенно с ваханским языком ⁸⁰. Однако, по словам Л. Г. Герценберга, «... ни один из современных восточноиранских языков не является прямым потомком хотано-сакского языка. Есть изоглоссы, отделяющие хотаносакский язык от ваханского и объединяющие его с другими, иногда даже с западноиранскими языками...». И далее: «Поэтому можно лишь предполагать, что хотаносакский язык и языки Памира (а также йидга, мундж, пушту, ормури и др.) восходят к различным диалектам языка саков» ⁸¹.

Нам представляется, что вся совокупность имеющихся данных: археологических, палеоантропологических, сообщений письменных источников, этнографических и лингвистических источников позволяет памирским сакам, памятники которых были раскопаны А. Н. Бернштамом и нами, включать в состав саков-хаумаварга ⁸².

⁷⁶ Sten K o n o w, Notes on the Sakas, «Indian Culture», II, Calcutta, 1935, № 2, стр. 189—193.

⁷⁷ К этому заключению приходят и известный современный индийский ученый Чаттопадхьяй — см. S. Chatteropadhyaya, ук. соч., стр. 29. См. также S. Chatteropadhyaya. The Sakas in India, Santiniketan, 1955 (Visva — Bharati studies, 21), стр. 1 и другой индийский ученый Пури, автор специального исследования об Индии в эпоху Патанджали см. B. N. Puri, India in the time of Patanjali, Bombay, 1957, стр. 58—60.

⁷⁸ A. H e r r m a n n, Das Land der Seide und Tibet in Lichte der Antike, Lpz, 1938 (Quellen und Forschungen zur Geschichte der Geographie und Völkerkunde, Bd. I), стр. 9—10, 146, 157.

⁷⁹ Б. А. Л и т в и н с к и й, Кангюйско-сарматский Фарн (в печати).

⁸⁰ В. А. Л и в ш и ц, Иранские языки народов Средней Азии, в кн.: «Народы Средней Азии и Казахстана», I, М., 1962, стр. 140—142, 152—153; Н. W. B a i l e y, Indo-Scythian studies being Khotanese texts, IV, Cambr., 1961, стр. 18; Л. Г. Г е р ц е н б е р г, Хотано-сакский язык, М., 1965, стр. 31—32.

⁸¹ Г е р ц е н б е р г, ук. соч., стр. 32.

⁸² Наши соображения о локализации других племен см. Б. А. Л и т в и н с к и й, «Саки, которые за Согдом», «Труды АН ТаджССР», СХХ, Сталинабад, 1960; он же,

Исследование могильников памирских саков поставило еще ряд сложных проблем. Чрезвычайную важность имеет вопрос об участии саков (в том числе памирских) в штурме Греко-Бактрии. Этот вопрос неоднократно обсуждался в литературе — напомним хотя бы работы Н. А. Аристовой и В. Тарна. Чрезвычайно яркую картину участия саков в штурме Греко-Бактрии недавно нарисовал индийский ученый А. К. Нарайн⁸³. Могильники памирских саков внесли новый и достаточно конкретный материал в решение этой проблемы. Так, например, при наших работах в 1958 г. в могильнике Аличур II был найден бронзовый котелок, чрезвычайно близкий котелку из Гильгита⁸⁴. Еще более существенно, что анализ археологических комплексов из раскопок на Памире показывает, что значительная часть их датируется временем не позже II в. до н. э. С конца II в. до н. э. и в I в. до н. э. заселенность Восточного Памира значительно уменьшилась. В штурме Греко-Бактрии, следовательно, участвовала значительная часть сакских племен Пампра. Другая же часть задержалась, а затем осела на Западном Памире, составив один из важных комплексов будущего населения Памира — памирских народностей.

За этим следует и многое другое: о соотношении сакского и юэчжйского элементов, о влиянии саков на культурную, политическую и экономическую жизнь древней Индии, об их вкладе в индийское военное дело, религию (в частности, в развитие солнечного культа в Индии), их роли в этногенезе Индии и т. д. Памирские археологические материалы позволили ввести новые данные в решение этих вопросов, — как и в историю среднеазиатских саков⁸⁵.

4. РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕГО ТАДЖИКИСТАНА В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

Очень большой вклад, значение которого трудно переоценить, в изучение культуры древнего Таджикистана внесли работы крупнейшего востоковеда и историка культуры М. М. Дьяконова. Ему принадлежит заслуга постановки проблемы сложения классового общества в Северной Бактрии — проблемы чрезвычайно актуальной и важной для всей территории Средней Азии и прилегающих стран Востока. М. М. Дьяконов для решения этой проблемы привлек археологический материал из раскопанного им поселения Калаи-Мир, данные «Авесты» и греческих источников. Раскопки в низовьях Кобадияна и в Гиссарской долине позволили ему наметить контуры эволюции керамики, решить ряд других важных историко-культурных вопросов. Результаты его работ полностью опубликованы⁸⁶ и вошли в основной фонд наших знаний по древней истории и культуре Средней Азии. Они широко используются не только советскими учеными, но и зарубежными исследователями, особенно работающими в Афганистане. Поэтому, отметив их первоклассное значение, я не буду на них детально останавливаться.

Проблема «Авесты» как исторического источника в связи с древней историей Таджикистана блестяще исследована В. А. Лившицем⁸⁷, историко-филологические толкования которого основываются на глубоком исследовании текста памятника и использовании всего лучшего, что имеется в советской и зарубежной авестологии.

Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы, СА, 1967, № 2; он же, Археология Таджикистана за годы Советской власти, стр. 114.

⁸³ А. К. Narain, *The Indo-Greeks*, Oxf., 1957, стр. 128 сл.: О дальнейшей судьбе саков в Индии см. S. Chattopadhyaya, *The Sakas in India*...

⁸⁴ A. Stein, *Archaeological notes from the Hindukuch region*, JRAS, 1944, № 1—2, стр. 15—16.

⁸⁵ Б. А. Литвинский, *Таджикистан и Индия...*, стр. 151—157; Б. А. Литвинский, И. В. Пьянков, *Военное дело у народов Средней Азии в VI—IV вв. до н. э.*, стр. 36—52.

⁸⁶ М. М. Дьяконов, *Работы Кафирниганского отряда*, МИА, № 15, М.—Л., 1950, стр. 147—186; он же, *Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиян) (1950—1951 гг.)*, МИА, № 37, М.—Л., 1953, стр. 253—293; он же, *Древняя Бактрия*, в кн.: «По следам древних культур. От Волги до Тихого океана», М., 1954, стр. 337 сл.; он же, *Сложение классового общества в Северной Бактрии*, СА, XIX, 1954, стр. 121—140; он же, *У истоков древней культуры Таджикистана*, Сталинабад, 1956, стр. 15—74.

⁸⁷ «История таджикского народа», I, стр. 137—176.

Остановимся на отдельных результатах еще не опубликованных археологических работ, проводившихся по этой проблеме.

При проведенных под моим руководством в 1963—1966 гг. раскопках на Яванском городище была вскрыта большая площадь и получен огромный материал, над обработкой которого работают Т. И. Зеймаль и автор. Основные пять раскопов (площадью около 800 м²) были заложены на цитадели. Судя по данным раскопок, есть основания предполагать, что в последний период застройки составляли отдельные связанные между собой группы помещений (по 3—5 в каждой группе), близко расположенные друг к другу, разделенные узкой улочкой (до 1,5 м шириной) или переулком-тупиком. Постройки скорее всего были двухэтажными: нижний этаж состоял из хозяйственных помещений (именно они и были раскопаны), верхний — собственно жилой — почти не сохранился.

Большое количество находок, относящихся к последнему периоду жизни на цитадели, характер их залегания указывает на то, что эта часть городища была оставлена жителями внезапно.

Среди находок обращает на себя внимание, в первую очередь, обилие керамических сосудов целых или археологически целых (раздавленных) из так называемого «уровня свалки», который принимается нами за остатки второго этажа.

Весьма разнообразен ассортимент столовой посуды, относящейся к верхнему жилому горизонту Яванского городища. Она изготовлена из высококачественной глины тонкой отмучки, на гончарном круге, прекрасного обжига. Поверхность многих сосудов покрывает темно-красный плотный ангоб, поверх которого иногда нанесены полосы и сетка лощения. Для украшения сосудов широко использовался штамп с изображением растительных и геометрических узоров, налепы на стенках сосудов и ручках. По форме — это кувшины (одноручные, двухручные, без ручек, типа энохой), различные варианты бокалов, кубков-чаш; глубокие миски с широким отогнутым краем и вертикальными ручками, прикрепленными к нему. Каждая форма сосудов дает много вариантов.

Кроме керамики в слое, относящимся к последнему строительному этапу на цитадели, были найдены изделия из кости (проколки с разными фигурными навершиями, игральная кость с обозначением на каждой грани очков, стрелка, фигурка животного и др.), амулеты из гагата и камня, металлические украшения и изделия (подвески, кольца, проколки, браслеты, сосуды), терракотовые фигурки животных, всадников на лошади, головки двух терракотовых образков; в большом количестве в раскопках встречались пряслица, изготовленные из глины, камня, черепков.

Для датировки кроющего слоя Яванского городища решающее значение имеют находки монет (свыше 20 экз.). Наиболее поздние монеты, найденные в этом слое, принадлежат к числу так называемых «позднекушанских» и представляют собой анэпиграфные подражания медному чекану Васудевы (при существующих колебаниях в кушанских абсолютных датах время их выпуска определяется от второй половины III в. до первой половины V в. н. э.). Примерно ту же дату дают медные монеты «Канишк III» (с изображением на оборотной стороне сидящей богини Ардохшо) и подражания им, также найденные в рассматриваемом слое.

Раскоп II после того, как был пройден кроющий слой, был превращен в стратиграфический. Материк (светло-желтый лесс с обильными включениями мелкого галечника) был достигнут в XXV ярусе (современная дневная поверхность — VI ярус, т. е. фактическая глубина раскопа — 10 м). Всего в процессе раскопок — от дневной поверхности до материка — было зафиксировано десять стратиграфических горизонтов. По соотношению со строительными остатками и анализу находок (в первую очередь керамики) эти десять горизонтов были объединены в шесть периодов.

Три верхних стратиграфических горизонта составляют I период (считая сверху) и соответствуют кроющему слою, уже рассмотренному выше. II период («IV стратиграфический горизонт») был вскрыт на всей площади раскопа (около 150 м²) и дал остатки нескольких помещений, дворища и «переулк». Сохранившаяся высота стен — до 1 м, стены помещений — с остатками ганчевой штукатурки. В полы трех помещений были вкопаны (до горла или до середины высоты) хумы. В качестве датирующих этот период

находок могут быть названы медные кушанские монеты «сотера мегаса», Канишки и Васудевы, а также оттиск на керамическом фрагменте штампа с погрудным изображением «кушано-сасанидского правителя». По ранней кушанской хронологии эти находки датируют слой серединой III в. н. э., по поздней — концом IV в.

III период («V стратиграфический горизонт»), вскрытый на всей площади раскопа, также дал остатки помещений (сохранившаяся высота стен — 0,6—0,8 м) с очагами и хумами. Но находки, связанные с этим слоем, немногочисленны. Остатки помещений были плотно забутованы, так как непосредственно служили «фундаментом» для зданий II периода.

IV период («IV^A и VI^B стратиграфические горизонты») был вскрыт в южной половине раскопа. Остатки помещений этого периода (стены из сырцового квадратного кирпича и их пахсы) и находки в них датируются двумя медными монетами — «юечжийскими» подражаниями чекану Гелнокла. (Следует заметить, что еще одна такая монета была найдена весной 1963 г. на раскопе I, в слое I периода, вместе с более поздними монетами, что свидетельствует о ее переотложенности). Время выпуска этих монет датируется В. М. Массоном I в. до н. э. Не ранее этого времени и следует датировать IV период, но более позднюю дату (например, I—II вв. н. э.) также нельзя исключить.

V период «VII и VIII горизонты» связан с остатками построек только в северо-восточном углу раскопа. Остальная вскрытая площадь, по-видимому, представляет собой остатки дворца (во всяком случае, незастроенного пространства). Непосредственно рядом с остатками построек была зачищена яма сложной конфигурации (ступенчатая, с «подбоем»), прорезавшая нижележащие слои и частично впущенная в материк. В этой яме были обнаружены фрагменты крупного хума с процарапанной до обжига греческой надписью (имя СОХРАКНС). К V периоду относится находка бронзового наконечника стрелы. Предположительно (по стратиграфическим условиям и керамике) слой V периода может быть датирован I в. до н. э., однако возможно, более детальная классификация керамики (ведущая форма — «бокалы с колоколовидным туловом») несколько изменит эту дату.

Нижний пол V периода подстилает мощный (до 1,8 м) пласт золистогумусных наслоений с обильными включениями угля, костей, керамики, перекрывающий более плотный слой (до 0,7 м) непосредственно над полом VI периода. Между полом VI периода и материком — тонкая прослойка культурного слоя (возможно, результат выравнивания поверхности «материка»). Керамические остатки из золистогумусного слоя VI периода по ассортименту форм мало отличаются от керамики V периода; находки в прослойке непосредственно над полом VI периода немногочисленны. Датировка нижнего, VI периода, зависит, таким образом, от даты V периода, несколько предшествуя ей. Учитывая мощность зольника над разрушившимися остатками стены (сохранилась высота — до 0,5 м), можно предположить разрыв между V и VI периодами не менее полувека. Дата нижнего слоя (II—I вв. до н. э.) и его выделение как наиболее раннего могут быть распространены на всю площадь «цитадели» только с учетом того, что вскрыт был слой VI периода на сравнительно небольшой площади — около 16 м².

За пределами цитадели и основной части городища ранние слои обнаружены не были. Как показали несколько шурфов, заложенных к северу и западу от цитадели, в их пределы попали остатки построек одного периода, возведенные на разровненном материковом слое. Керамические находки, строительная техника позволяют считать эти постройки одновременными последним двум периодам жизни на цитадели. Таким образом, максимальных своих размеров Яванское городище достигло к концу своего существования. Тогда же его территория была обнесена городской стеной, сложенной из крупных пахсовых блоков, укрепленных в основании стены большими камнями.

Мы привели это описание результатов раскопок Яванского городища, в котором использованы наблюдения наших соавторов по раскопкам — Е. В. Зеймала и Т. И. Зеймала, так как материал, полученный нами при этих раскопках и до сих пор не публиковавшийся, позволяет чрезвычайно полно охарактеризовать эволюцию материальной культуры.

Из новых, практически также неопубликованных материалов следует упомянуть работы еще нескольких групп нашего отряда. Это группа по раскопкам Балдай-тепе в Вахшской долине (начальник Т. И. Зеймаль). Здесь были в основании холма вскрыты слои позднего Кобадпан I. В верхних напластованиях того же памятника вскрыты прекрасный, сопровождающийся монетами, комплекс, синхронный верхнему комплексу Яванского городища.

При хозяйственных работах на самом юге Таджикистана, в Пархарском районе, на городище Саксан-Охур вскрыты великолепные остатки каменной архитектуры, на-доминающей сурхотальские⁸⁸. Пробные раскопки, проведенные здесь Х. Мухитдиновым, показали наличие обжигательных печей для терракот, были открыты сами терракоты и матрицы для их изготовления, обнаружены остатки парадного здания и т. д. По-видимому, здесь удастся организовать большие стационарные работы.

Проблема кушанской хронологии продолжает оставаться чрезвычайно острой. Быть может, детальное исследование новых археологических комплексов введет новый материал для суждения о справедливости тех или иных систем хронологии. Терракоты и другие изобразительные объекты интересны для понимания местного бактрийского пантеона.

* * *

Не все наши работы увенчались успехом. Так, многолетние попытки Н. Негматова найти в Ленинабаде археологические слои, соответствующие Александрии Эсхате, не дали пока никаких позитивных результатов⁸⁹. Очень слабо изучены оседлые поселения III—II вв. до н. э., а они, как показывают первые результаты раскопок французской археологической миссии в Афганистане, на городище Ой-Хафум, имеют кардинальное значение для судеб восточного эллинизма. Остается много неясного и в основных вопросах этнической истории древней Средней Азии⁹⁰, истории религии⁹¹ и др.

Обширный цикл советских археологических раскопок в Таджикистане и Средней Азии осветил многие стороны духовной культуры, позволил выяснить эволюцию материальной культуры, совокупность письменных, археологических и нумизматических источников позволяет судить об основных линиях экономического развития страны. Однако для решения вопроса об общественном строе древней Средней Азии мы все еще располагаем ничтожным количеством конкретных материалов⁹². Часто повторяющиеся в литературе утверждения, что древние оросительные каналы и ирригационная сеть, в частности в Хорезме, могли быть созданы лишь трудом рабского населения, ни-

⁸⁸ D. Schlumberger, The excavations at Surkh Kotal and the problem of Hellenism in Bactria and India, «Proceedings of the British Academy», XLVII, L., 1961, табл. XVII/a.

⁸⁹ Наши соображения по поводу локализации Александрии Эсхаты и Кирополя см. Л и т в и н с к и й, Саки, которые за Согдом, стр. 93—94; «История таджикского народа», I, стр. 255 слл. (о топониме, который мог отложиться в названии «Кпрасхата», см. теперь, E. Eilers, Kyros, «Beiträge zur Namenforschung», XV, 2, Heidelberg, 1964, стр. 180—236).

⁹⁰ Общий обзор проблематики см. «История таджикского народа», I, о Кангюе см. Б. А. Л и т в и н с к и й, Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы, СА, 1967, № 2, стр. 29—37; о древнем населении Ферганы и париканьях — Б. А. Л и т в и н с к и й, ред.: Ю. А. З а д н е п р о в с к и й, Древнеземледельческая культура Ферганы, МИА, 118, 1962 — СА, 1965, № 4, стр. 266 сл.

⁹¹ Превосходное исследование авестийской религии см. в гл. В. А. Л и в ш и ц а и С. Н. С о к о л о в а в «Истории таджикского народа», I стр. 137—188 и новейшие работы И. Гершевича, Р. Цанера, Г. Виденгрена и мн. др. По религии древних кочевых народов мною написана работа «Кангюйско-сарматский фарн (этнод из области историко-культурных связей племен Южной России и Средней Азии)», а также «История буддизма в Средней Азии» (обе — в печати). История манихейства и других среднеазиатских культов глубоко исследована А. М. Беленицким — см. А. М. Б е л е н и ц к и й, Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пянджикентских храмов, В сб. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 27—82; по этой теме опубликованы ценные исследования В. Б. Хеннига, Г. Бэйли, Я. Асмуссена и т. д.

⁹² Детальный анализ см. Б. А. Л и т в и н с к и й, Социально-экономический строй древней Средней Азии, В кн.: «История таджикского народа», I, стр. 464—480.

чем не могут быть доказаны и не могут являться серьезным аргументом. Тем не менее, общий облик общества древней Средней Азии, как он рисуется из исследования всех источников, несомненно, отличался от более позднего феодального. По-видимому, оно было рабовладельческим, но его конкретные особенности пока совершенно неизвестны. Но нет сомнения, что новые археологические исследования, открытие новых письменных источников прольют свет и на эту проблему.

Б. А. Литвинский

ПЕРЕВОДЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ АНТИЧНОСТИ В СОВЕТСКИХ ИЗДАНИЯХ 1918—1933 гг.*

Систематическая работа по ознакомлению русского читателя с памятниками античной литературы началась стихийно еще в конце прошлого века. Бурное хозяйственное, политическое и культурное развитие пореформенной России не оставило незатронутой и эту область отечественной культуры. Крупные работы конца XIX — начала XX в., заложившие фундамент для дальнейшего развития переводной литературы, заслуживают особой статьи. Здесь кратко (без библиографических примечаний) упомянем наиболее известные. Рядом и вслед за фундаментальными трудами Ф. Г. Мищенко (Страбон, 1879; Геродот, 1885—1886; Фукидид, 1887—1888; Полибий, 1890—1899) выходят переводы сочинений Ксенофонта (Г. Янчевецкий, 1880—1887), Тацита (В. И. Модестов, 1886—1887), Плутарха (В. Алексеев, 1890—1894), Саллюстия (В. Рудаков, 1894), Тита Ливия (П. Адрианов и др., 1892—1899), Платона (Вл. Соловьев и др., 1899—1903, издание не завершено), Светония (В. Алексеев, 1901), речей Цицерона (В. А. Алексеев и Ф. Ф. Зелинский, 1901, издание не завершено), Еврипида (И. И. Анненский, публикации в журналах и один том 1906), Аммиана Марцеллина (Ю. А. Кулаковский и А. Сонин, 1906—1908), Аристотеля («Этика», Э. Радлов, 1908; «Политика», С. А. Жебелев, 1911) и др. Тома переводов выходят и в годы первой мировой войны.

Перечисленные переводы сильно разнятся и по своим принципам и по достоинствам, но они показывают, что переводятся «основополагающие» крупные сочинения, оставшиеся нам от античной литературы, что «академическая», «университетская» наука идет рука об руку с работой литераторов и что распространенное в читающем обществе тех лет осудительное отношение к «классическому образованию», видимо, не снижает интереса к античности, рассматриваемой в более широком плане. Осознанное выражение эти тенденции получили в основанной в предреволюционные годы московским книгоиздательством М. и С. Сабашниковых серии «Памятники мировой литературы», где античность заняла почетное место. В объявлении о предпринимаемой серии говорилось: «Все выдающиеся произведения мировой литературы должны быть в распоряжении читателя на его родном языке. В наш век демократизации просвещения едва ли кто станет против этого возражать», и далее: «„Памятники мировой литературы“ в отличие от существующих „Библиотек классиков“ и традиционных „Пантеонов“ будут обнимать произведения, подобранные не по эстетико-литературным их достоинствам, а по значе-

* Предмет статьи определен заголовком. Это не история перевода с древних языков, но общий (хотелось бы сказать, предварительный) очерк основных тенденций развития, как они отразились в издательской практике. Поэтому в статье нет разборов самих переводов, но лишь характеристика их принципов и общей направленности. Немалое место уделено вводным статьям, заметкам переводчиков, критическим отзывам. Думается, что такой «историографический» подход к теме может найти оправдание.